

Литература

- Алиева Б. М.* Исследования гендерно-обусловленных структурных аспектов в английском и лакском языках // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. Ярославль: ЯГУ, 2010. № 2(12). С. 92–97.
- Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / пер. с англ. Изд. 4-е, испр. М.: Р. Валент, 2007. 192 с.
- Звягинцева В. В.* Антропонимические средства адресации в семейном дискурсе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. Ю. Сазоновой. Курск: КурскГУ, 2009. № 2(6) (URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-08.pdf> (дата обращения: 24.08.2011)).
- Звягинцева В. В.* Оценочно-характеризующие обращения в семейном дискурсе русского и английского языков // Известия Курск. ГТУ. Вып. 3. Курск: Курск ГТУ, 2010. С. 143–148.
- Леонович Е. О.* Английские термины родства и внутрисемейных отношений как обращение [Электронный ресурс] // Университетские чтения / Пятигор. гос. лингв. ун-т. Пятигорск, 2008. (URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00036.pdf (дата обращения: 17.06.2011)).
- Лиджиев А. Б.* Калмыцкие деминутивы в контексте современности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 42–44.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И.* Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВГПУ, 2010. № 6. С. 96–102.
- Манджиева Э. Б.* Этнокультурные особенности русских и калмыцких этикетных формул // Гуманитарные исследования. Астрахань: АГУ, 2008. № 4. С. 75–79.
- Пюрбеев Г. Ц.* Калмыцкий словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М.* О некоторых редких падежах в калмыцком и ойратском языках // Гуманитарный вектор. Чита: Забайкал. гос. гуманитарно-педагог. ун-т, 2008. № 4. С. 64–66.
- Busse B.* Vocative constructions in the languages of Shakespeare. John Benjamins Publishing Company, 2006. 526 p.
- Dornyei Z.* Research methods in applied linguistics Quantitative, Qualitative and Mixed methodologies. Oxford: Oxford University Press, 2007. 336 p.
- Qin X.* Choices in terms of address: a sociolinguistic study of Chinese and American // English practices Proceedings of the 20th North American Conference on Chinese Linguistics (NACCL — 20). Columbus Ohio: Ohio State University, 2008. P. 409–421.

УДК 811.11-112

ББК 81.2-3

КАЛМЫЦКИЕ ПАРЕМИИ О РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

С. К. Куприянова

В последние десятилетия коммуникативное поведение различных этносов стало предметом активного изучения как в теоретическом, так и в сопоставительном планах. Причинами усиления интереса исследователей к этой теме послужили расширение межнационального общения и межнациональных контактов, повлекших за собой необходимость интерпретации коммуникативных различий, а также попытки разрешения проблем национальной идентификации и национальной самобытности. В этой связи представляется актуальным изучение особенностей коммуникативного поведения калмыков, обусловленного необходимостью защиты калмыцкого языка, который находится под угрозой исчезновения.

Не вызывает сомнения и тот факт, что для успешного изучения языка необходимо знание не только языка, но и особенностей коммуникативного поведения народа¹, национальных норм и традиций, зафиксированных и отраженных в паремиологических единицах² [Прохоров 2007: 41; Тер-

¹ Под коммуникативным поведением понимается вербальное и сопровождающее его невербальное поведение личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения внутри одного социума [Прохоров 2007: 42].

² Выбор паремий в качестве материала исследования был определен их исключительно важным положением в культуре народа, поскольку паремии, согласно В. В. Пикаловой, представляют собой своего рода национальные стереотипы, устойчивые национально-культурные специфические представления о

Минасова 2008: 144]. В этой работе мы попытаемся выявить основные особенности калмыцкого коммуникативного поведения, которое нашло свое отражение в калмыцких поговорках в их соотношении с основными принципами речевого поведения, установленными в лингвопрагматике (принцип кооперации Г. Грайса [1985], принцип вежливости Дж. Лича [Geoffrey 1983] и лингвистическая теория вежливости П. Брауни и С. Левинсона [1988]. В качестве материала исследования был использован сборник «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая», составленный и переведенный на русский язык Б. Х. Годаевой [2007] (далее — [Г]).

Согласно Г. Грайсу³, коммуникация должна строиться непрерывно и говорящие для избежания коммуникативных сбоев должны вносить вклад в общение, учитывая цели и направление диалога [Грайс 1985: 222]. Исследователями неоднократно поднимался вопрос о том, носят ли максимы Г. Грайса универсальный характер и в какой мере они соблюдаются говорящими в реальной коммуникативной практике [Leech 1983: 79; Thomas Jenny 1995: 185]. Анализ материала показывает, что в калмыцких поговорках обнаруживаются как точки соприкосновения, так и расхождения с максимами Г. Грайса. Так, для калмыцкой лингвокультуры характерна тенденция к недосказанности: лучше предоставить коммуниканту меньше информации, чем сказать лишнее: *Угиг үлү келчкэд, татхнь хату, тату келчкэд, күцэхнь санана*. 'Скажешь лишнее — вернуть трудно, недоскажешь — дополнить (добавить) легко' [Г: 268]; *Улү үг бий орадг, ут хувцн шилв орадг*. 'Лишние слова самопредмете или ситуации, определяющие коммуникативное поведение коммуникантов в той или иной коммуникативной ситуации [Пикалова 2006: 42]. Вместе с тем многие поговорки, касающиеся речевого поведения, имеют универсальный общечеловеческий характер. Как показал Ю. В. Рождественский, они отражают основные правила речевого этикета, обеспечивая развитие устной словесности и накопление культурно-значимых текстов [Рождественский 1979: 20].

³ Г. Грайс установил четыре максимы, регулирующие процесс коммуникации: максимы количества (говори настолько информативно, насколько это требуется), качества (не говори того, в чем сомневаешься), отношения (говори к месту) и способа (излагай ясно) [Грайс 1985: 222–223].

му же во вред, длинные полы ногам мешают' [Г: 263]. Таким образом, наблюдается нарушение максимы количества Г. Грайса в сторону недостаточной информативности высказывания.

Совет «быть немногословным», скорее всего, является своего рода универсалией для правил речевого этикета, отраженных в фольклорных произведениях. Как отмечал Ю. В. Рождественский, поговорки различных народов мира содержат указания на преимущество слушания перед говорением и определенную значимость молчания. За этими рекомендациями стоит представление о силе и потенциальной опасности слова для самого говорящего, который своими неправильными речевыми действиями может нанести ущерб самому себе, а также окружающим [Рождественский 1979: 37].

При этом в калмыцких поговорках четко представлены гендерные стереотипы поведения. Мужчина должен быть хозяином своего слова, иметь свое собственное мнение, быть сдержанным в речах: *Заллма нег шүүрлхтэ, залу нег үгтэ*. 'У птицы кобчика хватка одна, у мужчины слово одно' [Г: 245]; *Үгдэн күрсн залу сэн*. 'Хорош мужчина, который держит свое слово' [Г: 244]. Что касается женщины, то считалось, что она должна быть немногословной, молчаливой, слушать своего мужа, вести хозяйство и заботиться о семье. В поговорках осуждается женская болтливость, неумение хранить тайну, что может привести к беде: *Күклин ут күзү орадг, үгин ут бий орадг*. 'Длинная коса шее мешает, длинная речь себе мешает' [Г: 528]; *Дегд келтэ гергн дер дорк дээсн*. 'Слишком языкастая жена — самый близкий враг' [Г: 529].

В калмыцких поговорках и поговорках нашла широкое отражение максима качества Г. Грайса. Так, человек, который говорит правду, уважаем всеми: *Үнн юмндан үкс гиж йов*. 'Стремись к правде, отстаивай ее' [Г: 402]; *Үнн юмн унтэ, буру юмн көгжтэ*. 'Правда дорогая, а ложь затхлая' [Г: 401]; *Үнн гидгиг үүдэр харһж көөснь бийнь өркэр орад бээдг*. 'Правду выгоняешь в дверь, а она влетает через дымник юрты' [Г: 404] (ср.: «Правда в речи и искренность, как отмечает Т. В. Ларина, — это важнейшие коммуникативные ценности для людей, живущих в тесном коллективе» [Ларина 2009: 45]).

Категория максимы качества Г. Грайса выражается в калмыцкой лингвокультуре: *Ховин үндсн — цусн, эвин үндсн — тосн*. ‘В основе сплетни — кровь, в основе мира — масло’ [Т: 523]; *Ховд үнн уга, худлд сэн уга*. ‘В сплетне нет правды, во лжи нет добра’ [Т: 523]. Можно полагать, что это также «паремиологическая универсалия». Так, по мнению Ю. В. Рождественского, запрещение «наносить ущерб слушающему нежелательным и вредным ему содержанием речи» является с точки зрения фольклорного этикета главным правилом говорящего [Рождественский 1979: 59].

Согласно четвертой максиме Г. Грайса, говорящий должен сформулировать сообщение таким образом, чтобы слушающий понял его; в калмыцких паремиях это правило связано с паремиями «о хорошем человеке»: *Сэн кууг үгин эклцд меддг*. ‘Хорошего человека понимают с первых слов’ [Т: 349]; *Сэн күмн нег үгтэ, сэн мөрн нег малята*. ‘Хороший человек с одного слова поймет, добрый конь побежит от одного удара плетью’ [Т: 348]. Другими словами, хороший человек скажет таким образом, что его поймут с первого слова, т. е. кратко и однозначно.

Принцип кооперации Г. Грайса дополняется принципом вежливости Дж. Лича, который сформулировал максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии в понятиях этических норм поведения, в том числе речевого [Формановская 2002: 59]. Как полагал Дж. Лич, именно соображения вежливости объясняют в большинстве случаев отступления от максим Г. Грайса в речевой практике.

Как уже было замечено, калмыцкий этнос отличается сдержанностью в своей речи и своих суждениях. В полном соответствии с максимами Дж. Лича калмыцкие паремии советуют уменьшать порицание других: *Күүнэ эндү үзхлэрн, эврәннь эндүһән үзх кергтэ*. ‘Замечая чужие ошибки, следует видеть и свои’ [Т: 561]. Поэтому, возможно, в калмыцких паремиях отражена только первая часть максимы одобрения (уменьшайте порицание других): *Ку муурулхасн урд, бийән сээнэр хэлэ*. ‘Прежде чем говорить плохо о человеке, хорошенько присмотрись к себе’ [Т: 9]; *Бийән һурв эргүлчкэд, тегэд кү кел*. ‘Триж-

ды присмотрись к себе, лишь потом осуждай других’ [Т: 544]. В этих паремиях выражается и максима скромности Дж. Лича (ср.: *Бийән битгэ магт, бусдыг битгэ бас*. ‘Себя не хвали, а других не принижай’ [Т: 119]; *Богдарж бурхн болдг уга, бийән буульж хан болдг уга*. ‘Кичась своим величием, божеством не станешь, восславляя себя, ханом не станешь’ [Т: 122]; *Адг күн бийән магтдг*. ‘Только последний человек себя хвалит’ [Т: 514]).

О стремлении калмыков «не выставлять свое „я“, — говорит Г. Ц. Пюрбеев, — «...калмыки нарочито уничижительно отзываются не только о себе, но и о том, что имеет непосредственное отношение к ним. Поэтому выражение *мини му куукн* (букв. „моя плохая дочка“) в устах калмыка вовсе не означает, что он дурно отзывается о своем ребенке, наоборот, в этих словах заключена нежная ласка и родительская любовь» [Пюрбеев 1982: 121]. Это стремление калмыков к общности, коллективизму выражено в следующей паремии: *Бив гисн һанцарн, бидн гисн оларн*. ‘Говорящий «я» — в одиночестве, говорящий «мы» — со всеми’ [Т: 148].

Среди калмыков не принято хвалить или говорить комплименты. Интересно, что нельзя было хвалить коня, жену и себя: *Эркн эргү эмән магтдг, дунд эргү бийән магтдг, адг эргү мөрән магтдг*. ‘Самый большой дурак хвалит жену, средний — самого себя, последний — своего коня’ [Т: 470].

В калмыцких паремиях также отражена максима согласия (уменьшайте разногласия между собой и другими и стремитесь к максимальному согласию между собой и другими): *Эвэс тосн һарна, эвдрлэс усн һарна*. ‘При согласии — масло (т. е. благо), при ссоре — вода (т. е. слезы)’ [Т: 291]; *Эвэс тосн һарна, эвдрлэс цусн һарна*. ‘При согласии — масло (т. е. благо), при ссоре — кровь’ [Т: 291]. Дружелюбное, приветливое отношение к другим также ценится калмыками, как и умение находить согласие с другими людьми: *Олн амнтлэ һинегн бээдг күн кезэ чигн байн*. ‘Кто живет в дружбе и согласии со всеми людьми, тот всегда богат душой’ [Т: 80].

С максимальной согласия тесно связана максима симпатии (уменьшайте антипатию между собой и другими и стремитесь

к максимальной симпатии между собой и другими). Как пишет Н. И. Формановская, к требованиям последней максимы можно отнести и эмпатию, т. е. способность человека понимать других⁴.

О важности приветливого отношения калмыков говорят следующие паремии: *Күндин деежэ — тэмк, күүрин деежэ — мөнд*. 'Первое угощение — табак, первое слово — приветствие' [Т: 410]; *Ааш сээхн күмнд эмтн цүһлрдг, амт сээхн идэнд күмн болһн дурлдг*. 'У приветливого человека люди собираются, а пищу, приятную на вкус, любит каждый' [Т: 387].

В материале исследования не обнаружены калмыцких паремий с прямым отражением максим такта и великодушия Дж. Лича, что можно объяснить, на наш взгляд, тем, что эти максимы имеют преимущественное отношение к особенностям словесного выражения импозитивов и коммиссивов (просьбы, приглашения) и т. п.

Тот факт, что максимы Дж. Лича и Г. Грайса не в полной мере отражены в калмыцких паремиях, возможно, объясняется тем, что, будучи сформулированы для индивидуалистических культур, они не могут быть в полной мере применимы к коллективистским культурам (к которым относится, как нам кажется, калмыцкая культура), поскольку такой тип культуры предопределяет другие коммуникативные особенности, формирует иной стиль коммуникативного поведения [Ларина 2009: 15].

Развивая идеи предшественников, П. Браун и С. Левинсон разработали собственную концепцию универсалий вежливости. По их мнению, в основе коммуникативной деятельности лежат два основных мотива: 1) желание свободно совершать действия и не подвергаться давлению со стороны и 2) желание получить одобрение. Эти два желания определяют две основные стратегии в человеческой коммуникации: негативную и позитивную вежливость [Brown, Levinson 1987: 62].

Стратегии позитивной вежливости используются в качестве социальных ускорителей (*social accelerator*), используя которые, говорящий указывает на свое желание

сократить дистанцию, разделяющую его со слушающим. Стратегии негативной вежливости направлены на то, чтобы продемонстрировать признание независимости и автономности участников коммуникации и таким образом выразить взаимное уважение [Brown, Levinson 1987: 101].

Важной частью концепции П. Браун и С. Левинсона является исследование речевых актов, угрожающих говорящему или собеседнику потерей уважения к друг другу. В свете этого особый интерес представляют калмыцкие паремии, связанные с речевыми актами, которые, по мнению П. Браун и С. Левинсона, угрожают участникам коммуникации «потерей лица» (*face threatening acts*). К ним, в частности, относятся паремии о просьбах, советах, шутках, похвальбе. Как будет показано ниже, их трактовка в калмыцких паремиях не полностью совпадает с положениями П. Браун и С. Левинсона.

Согласно теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, просьба угрожает негативному лицу адресата, поскольку ограничивает свободу его действий. В калмыцких паремиях просьба трактуется как речевой акт, угрожающий, однако, прежде всего адресанту: *Күүнэс юм сурхд нег зовлң, сурсна хөөн эс өгхлэ, хойр дам зовлң*. 'Просить у другого — страдание, но если не дадут после того, как попросил, — страдание вдвойне' [Т: 461]; *Сурсн му, сурсиг эс өгсн үлү му*. 'Просить плохо, но не дать того, что просят, еще хуже' [Т: 461]. Как видно из пословиц, плохо просить что-либо, но хуже отказать просящему человеку: *Залу күмн юм сурвл, нег му, сурсинь эс өгвл, бас буру*. 'Плохо, когда мужчина что-то просит, но если не дать того, что просит, тоже плохо' [Т: 465]. Очевидно, что отказ выполнить просьбу нарушает правила вежливости и угрожает просящему потерей позитивного лица.

В отличие от просьбы обращение за советом в калмыцкой лингвокультуре вполне одобряется: *Бүгдэрн зөвлвл, буру уга, бүлэн усар уһавл, кир уга*. 'Если все будут советоваться — не произойдет ошибки, если мыть теплой водой — не будет грязи' [Т: 294]; *Түрүлэд эврэн сур, эс медсэн бусдас сур*. 'Прежде учись сам, не знаешь — спроси у других' [Т: 320]. Такой подход характерен для культур коллективистского типа: со-

⁴ Эмпатическими, согласно Н. И. Формановской, являются этикетные вопросы-осведомления при встрече о жизни, делах, здоровье [Формановская 2002: 97].

ветоваться и просить совета означает признавать себя частью общества, в котором живешь. Характерно, что калмыцкие поговорки о речи рекомендуют именно просить совета, а не давать его (учет позитивного лица адресата). Просить совета в калмыцкой лингвокультуре считается признаком проявления уважения к слушающему, так как говорящий указывает этим на важность мнения собеседника.

Отношение калмыков к шутке также отличается от трактовки этого речевого акта П. Брауном и С. Левинсоном: британские авторы рассматривают шутки как стратегию позитивной вежливости, калмыки относились к подшучиванию и иронии крайне неодобрительно: *Шог үг шорла эдл*. 'Язвительная шутка подобна уколу штыком' [Т: 555]; *Шог үг хурц шорин чиңгэ*. 'Ироничное язвительное слово что остроконечный штык' [Т: 555]. Соответственно, не одобряется речь с усмешкой или со слезами: *Инэж келсн кун меклхин темдг, уульж келсн — һундлын темдг*. 'Говорить с усмешкой — признак обмана, а говорить со слезами — признак обиды' [Т: 376]. Очевидно, что в этих случаях порицается не шутка как таковая, а подшучивание и подтрунивание над собеседником, задевающие его личность; шутка принижает его статус в обществе, а значит, может привести к «потере лица» адресата.

В калмыцком обществе существует строгое соблюдение правил уважения и почитания младшими старших людей. Среди калмыков в знак уважения принято обращаться к людям пожилого и старшего возраста, используя местоимение *та* ('вы'). В беседе инициатива и право задавать вопросы всегда принадлежит старшим: *Ахнь келдг, дунь соңсдг*. 'Старший брат говорит, младший слушается' [Т: 59]; *Кун ахта, девл захта*. 'У человека есть старший, у шубы — воротник' [Т: 59].

Согласно стратегиям позитивной вежливости П. Брауна и С. Левинсона, обращение на *ты* к незнакомому человеку может указывать на общность интересов, а также появление чувства солидарности [Brown, Levinson 1988: 104, 120], а значит устранение коммуникативных барьеров между коммуникантами. В индивидуалистских культурах такое общение приемлемо, в то

время как в коллективистских обращение к человеку старшего возраста или незнакомому на *ты* недопустимо.

Соблюдение четких правил поведения (например, правила поведения калмыков при приветствии), доверие традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию характерны для культур коллективистского типа с высоким уровнем избегания неопределенности, согласно Г. Хофстеде [Hofstede 2001: 380]. Напротив, для стран с низким показателем избегания неопределенности присущи проявление личной инициативы, приемлемость риска, спокойное принятие разногласий и иных точек зрения.

Как следствие, в культурах, избегающих неопределенности, наблюдается заметная разница в типе взаимоотношений между «своими» и «чужими». Отношения со «своими» отличаются большей близостью, с «чужими» — большей холодностью и формальностью. Отсюда недоверие «чужим» и сдержанность в общении: *Таняд уга мөрнэ ардаснь бичэ өөрд, таняд уга күүнд ухаһан бичэ медүл*. 'К неизвестной лошади не подходи близко сзади, незнакомым людям не высказывай своих намерений' [Т: 225]; *Таньдгиннь мөр унна, итксэндэн үг келнэ*. 'Садятся на коня, которого знают, говорят слова человеку, которому доверяют' [Т: 263]. Как видно из примеров, в калмыцких поговорках прописаны правила речевого поведения с незнакомыми людьми.

Таким образом, калмыцкая лингвокультура, принадлежащая к коллективистским культурам с высоким уровнем избегания неопределенности, имеет свои особенности коммуникативного поведения, в котором переплетаются черты как позитивной, так и негативной вежливости. При этом калмыцкому коммуникативному поведению в большей степени присущи стратегии сближения и учет позитивного лица адресата, иногда даже в ущерб собственному позитивному лицу, в особенности актуальными в этом контексте являются максимы скромности и одобрения Дж. Лича и максимы количества и качества Г. Грайса.

Источники

Годаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Литература

- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Яз. славян. культур, 2009. 512 с.
- Пикалова В. В. Этнокультурные нормы речевого поведения в паремиологических единицах английской и русской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 188 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Речевой этикет и язык жестов у монголов и калмыков // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 117–123.
- Рождественский Ю. В. Введение в общую филоло-

- гию. М.: Высшая школа, 1979. 224 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 264 с.
- Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
- Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations 2nd edition SAGE Publications, USA, 2001. 597 p.
- Leech G. N. Principles of Pragmatics. New York: Longman Group Limited, 1983. 250 p.
- Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 345 p.
- Thomas J. Meaning in interaction: an introduction to pragmatics. Pearson Education Limited, 1995. 224 p.

УДК 82-145

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ЛЕЙТМОТИВ «МЕТАМОРФОЗЫ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р. М. ХАНИНОВОЙ

В. В. Куканова

«Метаморфозы» — так называется один из циклов Р. М. Ханиновой¹, состоящий из восьми стихотворений. Они представляют собой переложения известных и совсем не известных мифов и легенд в стихотворную форму, но при этом идейное содержание, а порой и их сюжетные моменты², подверглись некоторой «метаморфозе» (изменению)³.

В центре настоящего исследования находится структурная организация лейтмотива «метаморфозы» в поэтических произведениях одноименного цикла. Анализ

данной темы осложняется принадлежностью материала к художественному стилю, который имеет свои лексико-грамматические, ритморифмические, композиционные, семантические и другие особенности. Благодаря этой специфике поэтический текст служит благодатным материалом для исследования законов смыслообразования. Изучение организации поэтического текста имеет большое значение: последовательная конкретизация идейно-эстетической сути произведения от его структурного своеобразия и тематического содержания ведет к выявлению глубинного художественного смысла.

Материалом исследования послужили тексты стихотворений Р. М. Ханиновой из цикла «Метаморфозы», написанного в 2002–2003 гг.: «Шелковое покрывало», «Сторож у дороги», «Чайный куст», «Сердце оливы», «Цветок солнца» и «Дни Алкиона»⁴ [Ханинова 2005]. Выбор как стихотворений, так и автора совершенно не случаен, поскольку Р. М. Ханинова — фи-

¹ Римма Михайловна Ханинова — известный в Республике Калмыкия поэт, переводчик, продолжатель традиций своего отца Михаила Ванькаевича Ханинова (1919–1981).

² Например, в стихотворении «Цветок солнца». В отличие от овидийской версии современный автор одаривает героиню чувственным мигмом общения с героем — познанием счастья.

³ Так поступает истинный художник, по мнению Ши-Тао, буддийского монаха, крупнейшего художника и теоретика искусства конца XVII — начала XVIII в., ср.: «Древность — это орудие познания [ши означает подлинное знание сущности вещей, мудрое проникновение в суть явлений (коммент. Е. В. Завадской — Е. З.)]. Преобразования заключаются в том, чтобы познать это орудие...» [Завадская 1978: 65]. Иными словами, подлинный художник не останавливается на простом копировании, а привносит нечто новое, преобразует опыт древних.

⁴ За рамками анализа этой статьи находятся стихотворения «Лотос» и «Прут омелы», которые основаны на легендах, но в которых не происходит изменения героев. В основу анализа стихотворения «Цветок солнца» положена статья К. А. Джушхиновой и В. В. Кукановой [Куканова, Джушхинова 2004].